

С. А. Кабатов

Обрядовые действия населения Древней Руси, связанные со строительством нового дома

Цель исследования заключается в попытке проведения первичного анализа комплекса обрядовых действий, связанных с выбором места под строительство нового дома, выбором строительной древесины, строительством, переездом в новый дом в среде сельского населения Костромского Поволжья в золотоордынское и постзолотоордынское время, то есть в период формирования и фактического сложения собственно русского населения в изначально исконно финно-угорских (мерянских) землях. Актуальность определяется в первую очередь тем, что носители этого пласта духовной культуры естественным образом исчезают, как и сами обрядовые действия, а мода сегодняшнего дня на этническую составляющую, как правило, носит сильно популистский и псевдонаучный характер, стирает реальную природу этих обрядов. Основные итоги работы – условное выделение на основе качественного содержания и хронологической последовательности определенных обрядовых действий, объединенных между собой в этапы, преследующие конкретные частные цели, и проведение первичного качественного анализа каждого из этих этапов. Подобный анализ дается с поправкой на историческую идентичность и характерную особенность этнического развития территории Костромского Поволжья развитого и позднего Средневековья.

Ключевые слова: Космос, дом, строительство, древесина, переезд, защита, вода, огонь, домовый, оберег.

S. A. Kabatov

Ritual Actions of Ancient Russian Population Concerning Building a New House

The purpose of this study is to try and conduct an initial analysis of the complex ritual actions associated with the choice of location to build a new house, choice of construction wood, building, moving to a new home in the rural Kostroma Volga region in the Golden Horde and post Golden Horde time, i.e. in the period of formation and the actual development of the actual Russian population in initially native Finno-Ugric (Merya) lands. Relevance is determined primarily by the fact that the carriers of this formation of the spiritual culture disappear naturally, as ritual acts do, and the fashion of the day on the ethnic component, as a rule, has a strongly populist and pseudo-scientific character, erasing the real nature of these ceremonies. The main results of this work is a conditional allocation on the bases of the quality content and chronological order of certain ritual actions connected together in stages, pursuing specific private goals, firstly, and secondly, it is to conduct an initial qualitative analysis of each of these stages. A similar analysis is given, adjusted for the historical identity and distinctive feature of the ethnic development of the territory of the Kostroma Volga region of the developed and late middle ages.

Keywords: space, house, building, wood, relocation, protection, water, fire, house, amulet.

«Человеческое тело – дом – Космос» [17, с. 335–336] – это три взаимосвязанных слова. Такое уподобление возникло еще в древности. Индийская религиозная мысль широко использовала эти образы по некоторым причинам: «тело, как и Космос, в конечном итоге не что иное, как “положение”, система жизнеобеспечения, данная человеку, а также как дом с одной колонной и девятью дверьми» [17, с. 337]. «Человек стремится расположиться в некоем Центре, там, откуда может общаться с богами. Его жилище – это микрокосмос; микрокосмосом является и его тело» [17, с. 337–338]. Человек живет в своем теле точно так же, как он живет в доме или в Космосе, который он сотворил для себя сам. Со временем значимость этого уподобления снижается. Подобно тому, как жилище современного человека утратило для него свою космологическую ценность, его тело как бы лишилось всякого религи-

озного и духовного наполнения. Подобное приводит к тому, что сущность дома, как микрокосмоса, уходит в небытие. Эпоха Средневековья отмечена всеобщей религиозностью, в отличие от современности, и стремлением к созданию своего Космоса и устойчивому положению в мире. Человеку необходимо было создать и построить свой дом.

Выбор места под будущий дом. Выбору места под будущий дом и выбору строительного материала уделяли большое внимание. Постройка жилого дома для человека – это важное событие в жизни, создание своего микрокосмоса. Строительство деревянного дома – сложный процесс, который может затянуться на многие годы. Хронологически и по качественному содержанию выделяется несколько этапов обряда: выбор места под дом, выбор дерева для постройки дома, закладка первых бревен будущего дома,

само строительство и, наконец, новоселье или, по словам И. А. Панкеева [19, с. 116] и Ф. С. Капицы [14, с. 198], – «влазины», или «входины». Каждое из этих событий сопровождается множеством обрядовых действий и поверий. В соответствии с выражением «мой дом – моя крепость» с домом связана вся жизнь человека. Дом для человека маленькая вселенная, где он чувствует себя надежно защищенным от всех внешних воздействий. В этой мельчайшей частице самое дорогое для любого человека – его семья, для безопасности которой он ограждает свое жилище магически-заклинательной символикой, обрядами и поверьями. С их помощью он стремится обеспечить себе сытность и тепло, безопасность и здоровье.

Важное значение при строительстве дома имел выбор места под будущее жилище, так как один малейший недочет может привести к разрушению той ауры, которая должна сопровождать создание и поддержку функционирования дома – Космоса. В сегодняшнем мире уже не уделяется внимания обрядам и поверьям, которые были обязательны еще век назад.

Чтобы правильно выбрать место, прибегали к различным гаданиям. Так, Д. К. Зеленин сообщает: «Выбирая место для нового дома, хозяин гадает на хлебе, воде или шерсти. В намеченном месте оставляют на всю ночь зерно или куски хлеба; их исчезновение или уменьшение их количества означает, что выбранное место – нечистое. Гадают на углах первого венца и в зависимости от результатов гадания иногда переносят уже начатое строительство в другое место. Если сухая овечья шерсть, положенная на ночь под горшок, совсем не отсыреет, то согласно народному поверью в доме, построенном в этом месте, будет царить бедность» [4, с. 181–183]. Гадание по выбору места под будущий деревянный дом в сельской местности производилось и на хлебцах: «поздно вечером хозяин дома выбрасывал из мешка 3–4 круглых хлебца: куда они упадут, там, по поверью, и есть счастливое место для дома, или если все три, брошенные из-за пазухи, лягут на землю вверх коркой, то место хорошее, если вниз – надо искать иное место для постройки» [25, с. 22–23].

Объединяют оба обряда единая цель и один участник – хозяин будущего жилища: оба действия совершают поздно вечером. Длительность действия этих обрядов различна. Если в первом случае «оставляют зерна на целую ночь», то во втором – все происходит за считанные секунды, в

течение которых упадут брошенные хлеба. Культурными предметами здесь служат вода, хлеб, зерна злаковых и шерсть животных. Самое большое значение в этих обрядах придается зернам злаковых культур и самому хлебу. В русской деревне он пользовался большим уважением: его нельзя было выбрасывать, крошить по столу, ронять на пол. Русские крестьяне говорили: «Хлеб – дар Божий, отец-кормилец» [21, с. 133–134]. Народным сознанием ценность хлеба приравнивалась к ценности жизни. Выражение «Свой кусок хлеба имеем» [21, с. 134] означает достаток, а выражение «отнять кусок хлеба» [21, с. 134] – значит лишить человека способов к существованию. Особое место в данных обрядах уделяется воде.¹

В древнерусских рукописях можно прочесть о молитвах и гаданиях возле нее, о лечении водой, о заключении браков и союзов и принесении клятв, о жертвоприношениях воде, в том числе и человеческих. Воде славяне поклонялись во всех ее видах: рекам, озерам, дождю небесному и даже колодцам. О поклонении славян водной стихии упоминает еще византийский историк Прокопий Кесарийский: «Славяне почитают... и реки и нимфы, и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания» [16, с. 64–68]. Другой византийский историк рассказывает, что «воины Святослава, похоронив павших в битве товарищей, погружали в волны Дуная петухов и младенцев» [16, с. 64–68]. Очистительная и охранительная сила воды широко использовалась в различных дохристианских обрядах и магических ритуалах; эти функции не изменились даже при христианизации населения, более того, христианство, «придя на Русь», впитало и сохранило вплоть до настоящего времени данные функции указанной стихии. В нашем случае вода призвана очистить, «обнулить», «дефрагментировать» качественное содержание выбранного под строительство участка.

Помимо обрядов по выбору места для жилья, существует множество поверий. Не предвещала добра постройка на месте старого дома, последний хозяин которого умер, не имея родных, или там, где старый дом был разрушен в результате стихийного бедствия. Если же все указывало на удачу, тогда с Божьей помощью брались за работу. По поверью, невозможно строительство дома там, где раньше проходила дорога или стояла баня, где были найдены человеческие кости, где кто-нибудь поранил руку или ногу до крови, где

опрокинулся обоз: считалось, что в таком месте водится нечистая сила [3, с. 315]. После выбора места для будущего жилища встает вопрос о строительном материале.

Фундамент, если таковой был, начинали копать с восточной стороны, часто это делал хозяин или самый старший мужчина в доме, который затем бросал мастерам деньги на камни основ, «чтобы они не качались». При положении основ будущего строения совершали охранительные обряды или «зарывали в фундамент предметы-апотрофеи: освященные травы, зерно, хлеб, воду, масло, монеты, ладан, кусочки пасхальной свечи или пасхи и веточку ели² – от “молнии”, чеснок, семена горчицы, ртуть, стекло, ибо оно не гниет и не разлагается и его боятся нечистые духи» [24, с. 56].

Определение строительного материала.

Поклонение деревьям играло важную роль в Европе и в истории религий арийцев [12, с. 29]. Нужно учитывать тот факт, что Европа в древние времена была покрыта огромным количеством лесов, в том числе и дубовых. По свидетельствам древних авторов, святилищами у древних арийских народов были естественные леса и рощи [1, с. 122]. Первоначально, по-видимому, душой или духом наделялись все деревья, так как миру первобытного человека было свойственно заселять все известное ему пространство неведомыми силами, которые могли влиять на его жизнь и деятельность. Затем это свойство становится присущим только особым деревьям, которые выделяются какими-либо параметрами: видом, размером либо формой. Так, особое отношение арийских племен и их потомков к дубу можно объяснить его необычным свойством притягивать к себе молнии (вероятно, в силу того, что именно эта порода дерева чаще всего возвышается над остальными). Таким образом, одушевление определенных деревьев (чаще дубов), целых рощ и даже массивов свойственно этим народам [12, с. 30]. Вероятно, позднее, при переходе анимизма в тотемизм, дерево перестает рассматриваться как живое и сознательное существо, человек теперь видит в нем инертную, безжизненную массу, в которую на более или менее длительное время вселяется сверхъестественное существо. Будучи в состоянии свободно перемещаться от дерева к дереву, оно обладает в силу этого правом собственности или владения на все деревья и, перестав быть древесным духом, становится лесным богом [12, с. 30].

Весьма вероятно, что чувство глубокого поклонения, которое в древности испытывали по отношению к дубу народы Европы, связь, прослеживаемая между этим деревом и небесным богом, обязаны своим возникновением тому факту, что в европейских лесах молния чаще всего поражает именно дуб. За последние годы ученые, которые не являются сторонниками той или иной теории в мифологии, установили этот факт путем целой серии наблюдений. Сам этот факт, как бы мы его не объясняли (тем ли, что древесина дуба является более электропроводной, чем древесина других видов деревьев, или тем, что, как правило, дуб возвышается над остальными видами и, соответственно, представляет собой естественный громоотвод, или каким-либо другим фактором), вполне мог привлечь внимание наших предков именно особенностью притяжения молний. Логично предположить, что следующим их умозаключением становится взаимосвязь дуба и их верховного божества, слышимого в раскатах грома и приносящего с собой дожди, а значит и плодородие почвы, видимого в ударах молнии, в которых божество как бы снисходит к людям, пользуясь посредничеством дуба – избранного дерева. Такие деревья с расщепленным, обугленным стволом и сожженной листвой были, вероятно, окружены ореолом славы, так как в их разрушении видели руку Громовержца. Подобно некоторым первобытным народам, древние греки и римляне видели своего великого бога и дуб в молнии, ударяющей с неба. Они систематически огораживали такие места и считали их священными. Поэтому не будет преувеличением предположить, что германцы и кельты, а также славяне, как и другие потомки арийских племен, оказывали сходные знаки внимания дубу по тем же причинам [12, с. 30–31].

Такое объяснение культа дуба у арийцев является следствием из трудов Якоба Гримма. Сильные аргументы в его пользу привел У. Уорд Фаулер. Дж. Дж. Фрезер лишь позже присоединился к их точке зрения и долгое время считал взаимосвязь дуба и бога молнии и грома номинальной, объясняя поклонение этому дереву многочисленными благами, извлекаемыми из него, а главным образом из-за огня, добывавшегося из древесины дуба путем трения. Ассоциация же дуба с небом являлась более поздним наслоением, основанным на том, что удар молнии – искра, которую небесный бог высекает посредством трения двух кусков древесины дуба. Позднее эта теория была признана Фрезером более сложной и менее до-

стоверной [1, с. 741]. О жертвоприношениях дубу свидетельствовали еще византийские источники. Под огромным дубом, что рос на острове Хортице, русы приносили в жертву живых петухов, куски хлеба и мяса. На культовую роль дуба у восточных славян указывают и археологические находки: «в 1975 году со дна Днепра подняли древний дуб, в ствол которого было вставлено 9 кабаньих челюстей, в 1910 году подобный дуб был найден на дне Десны» [16, с. 68].

Следует отметить, что запрещалось срубать большие деревья. Установлению этого запрета способствовало, вероятно, то обстоятельство, что изначально людям было трудно срубить крупное дерево теми примитивными орудиями, которые у них были. Считалось, что есть мстительные деревья, которые непременно отплатят порубщику и доведут его до смерти. «Грешит тяжко даже тот, кто решит срубить старое дерево, отнимая у него заслуженное право на ветровал, то есть на естественную, стихийную смерть» [22, с. 125–126]. Такой человек сходит с ума, ломает себе руку или ногу либо скоропостижно умирает. Выбору породы дерева для строительства дома придавалось особое значение.

Оптимальными породами деревьев для строительства жилых построек в последнее время исследуемого периода считались хвойные, имеющие ровный ствол и крепкую древесину, где смола препятствовала гниению древесины.

Строительство дома. Существует несколько обрядов, связанных со строительством деревянного дома. Условно их можно разделить на жертвоприношение; обряды, совершаемые под углом первого венца бревен; обряды, связанные с культом растительности; обряды, совершаемые после закладки первых двух бревен; обряды, сопровождающие укрепление матицы. В основе этой классификации находится хронологическая последовательность действий и качественное содержание действий.

Считается, что закладку строения начинали, когда «наполняется месяц», то есть после новолуния. По мнению Б. А. Рыбакова, это самое главное на первом этапе строительства. В это время месяц набирает силу, а значит и действия нечистой силы убывают [23, с. 465–470]. Б. А. Рыбаков и И. А. Панкеев сообщают нам, что иногда под угол дома укладывали конскую голову [23, с. 470]. По всей видимости, конь³ (священное животное у славян, связанное с культом Солнца) должен был обезопасить дом и его хозяев от всяких невзгод. Подобные свидетель-

ства встречаются при археологических раскопках селища Вежи, что расположено на одном из островов Горьковского водохранилища в Костромском районе [5–10, 13]. Еще одним видом жертвы были остриженные волосы и ногти, как утверждает И. А. Панкеев: «Они считались достаточной жертвой домовому, которого переносили с собой в будущий дом» [20, с. 157]. Под углы бревен с магической целью клали клочок шерсти, горсть зерна, как повествуют нам Б. А. Рыбаков [23, с. 347], Д. К. Зеленин [3, с. 217] и Ф. С. Капица [14, с. 163]. Шерсть добавляли для счастья в будущем доме. Самое большое значение в этих обрядах придается зернам злаковых культур. Б. А. Рыбаков сообщает о «ладане – для святости в доме» [23, с. 469], а Д. К. Зеленин – о монетах, чтобы именно этим и был богат новый дом [3, с. 489].

Обряды, связанные с переездом в новый дом. Общим в обрядах было присутствие петуха. Петух обладал очистительными свойствами. В язычестве восточных славян петух олицетворяет победителя темной силы, зла, темных начал, опасных для простого человека. Наделение подобным качественным содержанием этой птицы связано с тем, что петух кричит ровно в полночь, предвещая этим наступление нового дня (олицетворение светлых начал, всего живого), и утром, в момент, предшествующий восходу Солнца, констатируя уже наступление нового дня и его победу над ночью. Считается, что нечистая сила обязана покинуть мир живых, в случае, если на этот момент она там находится, с первым пением петуха.

Когда дом выстроен, назначалось новоселье. Еще этот обряд называли «*входины*», или «*влязины*». Этому моменту уделялось большое внимание, поскольку именно с этого момента у человека начинается новая жизнь, в которой он себя чувствует настоящим хозяином своей судьбы. Человек в этот миг делает невидимый, но значительный переход из своего нынешнего состояния в более устойчивое. Но для того, чтобы этот шаг был для него успешным, прибегали к таким символическим действиям, как переселение огня и перенесение домового из старого в новый дом или из отцовского дома в дом сына. Огонь – одна из очистительных природных стихий (наравне с водой и землей), символ бессмертия, благополучия. Особое значение получил огонь, возжигаемый на очаге. Огонь как источник теплоты и света, оберег и очистительная сила являлся представителем всего нравственного мира, заключенного

в стенах дома. Хранителем всего этого в народном поверье выступает домовый, персонаж, который появляется в русском фольклоре только после проникновения христианства.⁴

Д. К. Зеленин считает, что для переезда «выбирают счастливый день перед полнолунием, чтобы в доме было всего полно. Сам переезд происходит непременно в полночь»; по другой трактовке «переход в новую избу совершался ночью, как только пропоют первые петухи». Ночью же перегоняли скотину. При распространении христианства счастливыми днями стали считаться двенадцатые христианские празднества (Пасха, Вознесение, Троица, Вербное воскресенье, Крещение, Сретение, Благовещение, Преображение, Рождество Богородицы, Рождество Христова и так далее). Особенно удачным для новоселья считался день Введения в храм Богородицы.⁵

Луна в своем развитии проходит несколько фаз: новолуние, первая четверть, полнолуние и последняя четверть. Самыми счастливыми днями, по мнению этнографов, считались те дни, когда луна пребывает в первой четверти, то есть, когда она растет. Именно в это время по лунному календарю мы наблюдаем усиленный рост всех растений. Русские верили, что в это время растет и приумножается еще и благополучие новой семьи, ее богатство. Для того, чтобы задобрить будущего хранителя жилища и семьи в новый дом впускают сначала животных – петуха или кошку, особенно черной масти. Петух – символ огня, символ очага. Считалось, что если петух, внесенный в новый дом, запоет, это предвещает счастливую жизнь, а если молчит – значит, хозяев ожидает в новом доме какое-нибудь горе. «Открыв дверь, хозяин пускал в избу петуха и ждал, чтобы петух пропел на новоселье» [4, с. 284]. Впустив в дом кошку, сами старались не входить до тех пор, пока кот не выберет место и не ляжет. Это место замечали и ставили там кровать, а впоследствии – колыбель. Поэтому и остался в колыбельных образ кота, прочно связанный со здоровьем ребенка. По одним данным, в доме сначала ночуют одни животные, и если животные остаются целы и невредимы, туда приходит сам хозяин.

После этого приходила очередь *перенесения домового и огня*. Этот обряд начинался с приглашения домового перейти из старой избы в новую. Необходимо отметить, что домового приглашал только хозяин жилища, никак не женщина. После этого начиналось самое главное – перенос огня и домового: «старшая женщина, хозяйка послед-

ний раз топила в старом доме печь, выгребала горячие угли в чистый горшок и накрывала его белой скатертью. В новом доме с поклонами и хлебом-солью ее встречали молодые хозяева. Угли высыпались в печурку, снятой с горшка скатертью трясли по всем углам, как бы выпуская домового, затем горшок разбивали и зарывали под передний угол. Вместо него можно использовать кочергу или другие атрибуты очага» [25, с. 23]. Б. А. Рыбаков сообщает, что домового и огонь переносили в горшке с жаром из старой печи на хлебной лопате [23, с. 175–176]. В Костромском Поволжье искушенные житейским опытом «хозяйки, поставив икону в красный угол, отрезают один сукрой от караваев хлеба и кладут его под печку» для незримого хозяина – домового. В Галичском уезде соблюдался очень древний обычай: «Кое-где хозяйка дома до рассвета (чтобы никто не видал) старается три раза обежать новую избу нагишом, с приговором: “Поставлю я около двора железный тын, чтобы через этот тын ни лютый зверь не перескочил, ни гад не переполз, ни лихой человек ногой не переступил, и дедушка-лесной через него не заглядывал”. А чтобы был этот “замок” крепок, баба в воротах перекидывается кубарем также до трех раз и тоже с заученным приговорным пожеланием, главный смысл которого выражает одну заветную мысль, чтобы род и плод в новом доме увеличивались. После чего вытаскивают из печи старого дома горшок каши, который ставят на загнетку (деревянную лопатку), и несут в новый» [25, с. 24].

После первой ночи в новом доме часто устраивали новоселье. Все приглашенные обязательно приходили с хлебом и солью как символами благополучия и обилия, подразумевая под этим пожелания дому достаток – полную чашу.

Дом, таким образом, дает хозяину устойчивое положение в мире, в котором он нуждается; без этой устойчивости в окружающем мире человек приближает свою жизнь к бессмысленному существованию.

Библиографический список

1. Джордж Фрезер. Золотая ветвь [Текст]. – М.: Политиздат, 1980. – 780 с.
2. Забылин, М. Русский народ его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия [Текст] / М. Забылин. – Симферополь: Таврида (репринтное воспроизведение издания 1880 г.), 1992. – 616 с.
3. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография [Текст] / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
4. Зеленин, Д. К. Избранные труды. Очерки

русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки [Текст] / Д. К. Зеленин. – М., 1995. – 432 с.

5. Кабатов, С. А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) объекта археологического наследия «селище Вежи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а. 2014 г [Текст] / сост. С. А. Кабатов. – Кострома : КГУ имени Н. А. Некрасова, 2014. – 220 с.

6. Кабатов, С. А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вежи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вежи. 2015 г. [Текст] / сост. С. А. Кабатов. – Кострома : ООО «Историко-археологическое общество «Кострома», 2015. – 259 с.

7. Кабатов, С. А. Отчет об археологических исследованиях на селище Вежи в 2009 г. Том I–II, Кострома 2009 [Текст] / сост. С. А. Кабатов. – Кострома : КГУ имени Н. А. Некрасова, 2009. – 171, 124 с.

8. Кабатов, С. А. Отчет об археологических раскопках селища Вежи Костромского района Костромской области в 1999 г. [Текст] / сост. С. А. Кабатов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 1999. – 138 с.

9. Кабатов, С. А. Отчет об археологических раскопках селища Вежи Костромского района Костромской области в 2004 г. [Текст] / сост. С. А. Кабатов. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2004. – 198 с.

10. Кабатов, С. А. Отчет по итогам археологических исследований, направленных на сохранение объекта археологического наследия «селище Вежи», эпоха бронзы, железный век, Средневековье, II тыс. до н. э. – XVIII в. 2013 [Текст] / сост. С. А. Кабатов. – Кострома : КГУ имени Н. А. Некрасова, 2013. – 108 с.

11. Кабатов, С. А. Первичный анализ обрядовых действий, связанных с рождением ребенка в среде сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVIII вв. [Текст] / С. А. Кабатов // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – С. 12–16.

12. Кабатова, Е. А. Генезис и эволюция культа еруна. Йошкар-Ола [Текст] / Е. А. Кабатова : дипломный проект. – Йошкар-Ола : Мар. ГУ, 2002. – 102 с.

13. Кабатова, Е. А. Научный отчет об археологических исследованиях в 2012 г. на территории объектов культурного наследия регионального значения селище Вежи и поселение Малые Ведерки в 2012 и 2013 гг. / сост. Е. А. Кабатова, С. А. Кабатов. – Кострома : КГУ имени Н. А. Некрасова, 2013. – 96 с.

14. Капица, Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы [Текст] :

справочник / Ф. С. Капица. – 8-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 296 с.

15. Коринфский, А. А. Народная Русь [Текст] / А. А. Коринфский. – Смоленск : Русич, 1995. – 656 с.

16. Левкиевская, Е. Мифы русского народа [Текст] / Е. Левкиевская. – М. : ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000. – 528 с.

17. Мирча Элиаде. Миф о вечном возвращении [Текст]. – М. : Ладомир, 2000. – 414 с.

18. Отчет об археологических раскопках селища Вежи (раскоп II) Костромского района, Костромской области. Том III, Кострома 2008 г. [Текст] / сост. С. А. Кабатов. – Кострома : КГУ имени Н. А. Некрасова, 2008. – 141 с.

19. Панкеев, И. А. Полная энциклопедия быта русского народа [Текст] / И. А. Панкеев. – М. : Олма-Пресс, 1998. – 1376 с.

20. Панкеев И. А. От крестин до поминок: обычаи, обряды, предания русского народа [Текст] / И. А. Панкеев. – М. : Яуза, 1997. – 256 с.

21. Пословицы, поговорки, потешки, скороговорки [Текст]. – Ярославль, 1998. – 219 с.

22. Русские обычаи и обряды: семейные обычаи. Календарные обряды. Подвижные праздники [Текст]. – М., 2005. – 320 с.

23. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси [Текст] / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 783 с.

24. Славянская мифология [Текст] : энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 56.

25. Сырцов, И. Мировоззрение наших предков русских славян-язычников до крещения Руси (в 988 г.) [Текст] / И. Сырцов. – Вып. 1. Мифология. – Кострома, 1897.

Bibliograficheskij spisok

1. Dzhordzh Frezer. Zolotaja vetv' [Текст]. – М. : Politizdat', 1980. – 780 с.

2. Zabylin, M. Russkij narod ego obychai, obrjady, predanija, sueverija i pojezija [Текст] / M. Zabylin. – Simferopol' : Tavrida (reprintnoe vosproizvedenie izdanija 1880 g.), 1992. – 616 с.

3. Zelenin, D. K. Vostochnoslavjanskaja jetnografija [Текст] / D. K. Zelenin. – М. : Nauka, 1991. – 511 с.

4. Zelenin, D. K. Izbrannye trudy. Oчерki russkoj mifologii: umershie neestestvennoj smert'ju i rusalki [Текст] / D. K. Zelenin. – М., 1995. – 432 с.

5. Kabatov, S. A. Nauchnyj otchet po itogam arheologicheskikh issledovanij (raskopok) ob#ekta arheologicheskogo nasledija «selishhe Vezhi», raspolozhennogo po adresu: Kostromskaja oblast', Kostromskoj rajon, Shungenskaja s/a. 2014 g [Текст] / sost. S. A. Kabatov. – Kostroma : KGU imeni N. A. Nekrasova, 2014. – 220 с.

6. Kabatov, S. A. Nauchnyj otchet po itogam arheologicheskikh issledovanij (raskopok) v 2015 g. ob#ekta arheologicheskogo nasledija «selishhe Vezhi», raspolozhennogo po adresu: Kostromskaja oblast', Kostromskoj rajon, Shungenskaja s/a, ostrov Vezhi. 2015 g. [Текст] / sost. S. A. Kabatov. – Kostroma : ООО «Istori-

ko-arheologическое obshhestvo «Kostroma», 2015. – 259 s.

7. Kabatov, S. A. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah na selishhe Vezhi v 2009 g. Tom I–II, Kostroma 2009 [Tekst] / sost. S. A. Kabatov. – Kostroma : KGU imeni N. A. Nekrasova, 2009. – 171, 124 s.

8. Kabatov, S. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh selishha Vezhi Kostromskogo rajona Kostromskoj oblasti v 1999 g. [Tekst] / sost. S. A. Kabatov. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 1999. – 138 s.

9. Kabatov, S. A. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh selishha Vezhi Kostromskogo rajona Kostromskoj oblasti v 2004 g. [Tekst] / sost. S. A. Kabatov. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2004. – 198 s.

10. Kabatov, S. A. Otchet po itogam arheologicheskikh issledovaniy, napravlennykh na sohranenie ob#ekta arheologicheskogo nasledija «selishhe Vezhi», jepoha bronzy, zheleznyj vek, Srednevekov'e, II tys. do n. je. – XVIII v. 2013 [Tekst] / sost. S. A. Kabatov. – Kostroma : KGU imeni N. A. Nekrasova, 2013. – 108 s.

11. Kabatov, S. A. Pervichnyj analiz obrjadovyh dejstvij, svjazannyh s rozhdeniem rebenka v srede sel'skogo naselenija Kostromskogo Povolzh'ja XIII–XVIII vv. [Tekst] / S. A. Kabatov // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 4. – S. 12–16.

12. Kabatova, E. A. Genesis i jevoljucija kul'ta eruna. Joshkar-Ola [Tekst] / E. A. Kabatova : diplomnyj proekt. – Joshkar-Ola : Mar. GU, 2002. – 102 s.

13. Kabatova, E. A. Nauchnyj otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v 2012 g. na territorii ob#ektov kul'turnogo nasledija regional'nogo znachenija selishhe Vezhi i poselenie Malye Vederki v 2012 i 2013 gg. / sost. E. A. Kabatova, S. A. Kabatov. – Kostroma : KGU imeni N. A. Nekrasova, 2013. – 96 s.

14. Kapica, F. S. Slavjanskije tradicionnye verovanija, prazdniki i ritualy [Tekst] : spravochnik / F. S. Kapica. – 8-e izd., stereotip. – M. : FLINTA, 2011. – 296 s.

15. Korinfskij, A. A. Narodnaja Rus' [Tekst] / A. A. Korinfskij. – Smolensk : Rusich, 1995. – 656 s.

16. Levkievskaja, E. Mify russkogo naroda [Tekst] / E. Levkievskaja. – M. : OOO «Izdatel'stvo Astrel»; OOO «Izdatel'stvo AST», 2000. – 528 s.

17. Mircha Jeliade. Mif o vechnom vozrashhenii [Tekst]. – M. : Ladimir, 2000. – 414 s.

18. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh selishha Vezhi (raskop II) Kostromskogo rajona, Kostromskoj oblasti. Tom III, Kostroma 2008 g. [Tekst] / sost. S. A. Kabatov. – Kostroma : KGU imeni N. A. Nekrasova, 2008. – 141 s.

19. Pankeev, I. A. Polnaja jenciklopedija byta russkogo naroda [Tekst] / I. A. Pankeev. – M. : Olma-Press, 1998. – 1376 s.

20. Pankeev I. A. Ot krestin do pominek: obychai, obrjady, predanija russkogo naroda [Tekst] / I. A. Pankeev. – M. : Jauza, 1997. – 256 s.

21. Poslovicy, pogovorki, poteshki, skorogovorki [Tekst]. – Jaroslavl', 1998. – 219 s.

22. Russkie obychai i obrjady: semejnye obychai. Kalendarnye obrjady. Podvizhnye prazdniki [Tekst]. – M., 2005. – 320 s.

23. Rybakov, B. A. Jazychestvo drevnej Rusi [Tekst] / B. A. Rybakov. – M. : Nauka, 1987. – 783 s.

24. Slavjanskaja mifologija [Tekst] : jenciklopedicheskij slovar'. – M., 2002. – S. 56.

25. Syrcov, I. Mirovozzrenie nashih predkov russkikh slavjan-jazychnikov do kreshhenija Rusi (v 988 g.) [Tekst] / I. Syrcov. – Vyp. 1. Mifologija. – Kostroma, 1897.

¹ Вода – стихия, которой в среде сельского населения придавалось огромное значение, наряду с огнем и землей. Достаточно отметить, что с эпохи палеолита вплоть до Развитого Средневековья близость к гидросистеме являлась единственным обязательным и неоспоримым критерием для основания поселения. Вода, выступающая как источник жизни и как способ передвижения, в народном сознании наделялась еще и очистительными свойствами. Пример тому – использование ее абсолютно во всех обрядах круга жизни человека; особенно хорошо дается анализ этой стихии в процессе крещения исследователями Мирчей Элиаде [17] и Джорджем Фрезером [1]. Описана нами роль воды и в обрядах, связанных с крещением младенца в среде сельского населения Костромского Поволжья [11, с. 12–16].

² Использование веточек ели во многих обрядах весьма символично. Так, например, их разбрасывают по дороге вслед за процессией с умершим, движущейся на кладбище. Здесь иглы ели призваны обезопасить жителей дома, из которого вынесли покойного, от его возможного возвращения назад. Они должны были колоть душу возвращающегося и не давать ему пройти / вернуться.

³ Так, А. А. Коринфский приводит народное присловье об Илье Пророке: «Пророк Илья, яко молния, горе творит восходы, на колеснице огненной седит, четверокоными конями ездит, неизреченная зрит...» [15, с. 482].

⁴ В образе восточнославянского домового сочетаются элементы культа предков и культа домашнего очага. По мнению Д. К. Зеленина, последнее выражено сильнее. Основание для этого он видит в связи домового, вернее его места проживания, с печкой. А именно домовый, по народным поверьям, живет под печью, за печкой, на печи, а также в подполе, в том углу, где стоит печь. Реже он живет под порогом, под углом дома, на чердаке, возле печной трубы. Считается, что если хозяин уходит из дома – печь необходимо закрывать заслонкой, чтобы домовый не ушел с ним. Домовый наделяется функциями охраны дома, его хозяев, но обязательно при условии, что последние живут с ним в мире. При переезде в новый дом, как уже отмечалось, домового (хозяина) всегда перевозят с собой, если же его забывали взять с собой – новый дом, согласно народному поверию, постигают различные неприятности. А. А. Коринфский корни появления домового духа возводит ко времени замещения функций повелителя огня у славян, Перуна-громовика. С христианизацией Перун и другие языческие божества исчезли, а круг обязанностей, ранее ими выполняемый, остался. Спустя некоторое время начинает выкристаллизовываться некий дух, отвечающий за охрану домашнего очага и получивший в народе имя «Домового» как производное от «дом-очаг».

«Пожалуй, не узнать в теперешнем Домовом и отдаленнейшего родича божества языческой Руси, – до того расплылись все его когда-то резко проступавшие черты при последовательном многовековом изменении; до того разменялись на мелочи его стихийные свойства и обязанности. Народ даже выселил его из самого очага, перенеся местопребывание старого в подпечек...» [15, с. 61–62]. Домовой невидим, но иногда он показывается людям, чаще всего – приняв облик самого хозяина дома, живого или мертвого. Иногда он может появиться в виде старика с длинными седыми спутанными волосами и бородой [3, с. 411–412]. Д. К. Зеленин приводит две легенды, повествующие о появлении домового, причем, по его утверждению, обе появляются уже в период официального принятия христианства. По первой – это ангелы, которых прогнал с неба Бог, и они попадали на землю в разных местах: кто упал на дом – стал домовым, кто в лес – лешим, кто в воду – водяным. По второй версии, домовый – человек, умерший без покаяния, то есть «заложный» покойник [3, с. 41]. В случае с последним имеются некоторые расхождения в смысловой нагрузке. «Заложник» – умерший неестественной смертью человек, который мстит живым за свой исключительный обряд захоронения. Функциональное назначение домового, напротив, – оберегать дом и его обитателей, включая и животных, живущих в доме.

Несколько иное происхождение домового описывает М. Забылин: «Бог при Вавилонском столпотворении наказал народ, дерзнувший проникнуть в тайну его величия смещением языков, а главных из зачинщиков лишил их образа и подобия своего, определив их на вечные времена сторожить воды, леса, горы и проч. Кто в момент наказания

находился в доме – сделался домовым, кто был в лесу – лешим, кто в воде – водяным. Народ здесь утверждает, что раскаяния последних может обратить их в первоначальный облик» [2, с. 245–246]. М. Забылин утверждает, что домовый караулит дом и двор, любит жить в банях и ригах [2, с. 246–247]. Напротив, Д. К. Зеленин разводит комплекс этих функций, отводя охрану дома, хлева, двора, бани и даже печки отдельным духам – домовому, дворовому или хлевнику и сысою (сусую) соответственно, допуская возможность, что первоначально домом и двором правил один домовый [3, с. 412–414]. Согласно народным поверьям, домовый, вообще, не зол, но иногда он сердится на людей и тогда он мстит им. Он может предсказывать будущее, наваливаясь на спящего; нужно только спросить у него в этот момент – к добру это или к худу. Если станет тепло – к первому, если холодно – дому или определенному жителю дома грозит какая-то неприятность. В случае, если дому грозит беда, он стонет и плачет. Иногда он по ночам прячет. Вообще, о проделках домового, буквально и в наши дни, ходит много рассказов. Например, если он сердит на хозяев, то ночью стучит, щиплет спящих, а иногда даже выгоняет из дома посредством своих проделок. Последнее, вероятно, происходит в тех случаях, когда в доме при старом домовом поселяются новые хозяева или же когда-либо пустил в дом чужого домового [3, с. 414].

⁵ Думается, что здесь мы имеем дело с тем, что созвучие названия христианского праздника с действиями по переезду (вхождению в новый дом) позволило совместить их вместе. Определенная святость праздника при этом как бы проецировалась, направлялась на действия, связанные с переездом, с целью удачного свершения запланированного мероприятия.